

Елена Андрейчикова

Пунктуация мести

Катруся Дмитриевна внезапно исчезла. Не отвечала на сообщения, не отзывалась, когда пытался дозвониться по телефону, вайберу, вотсапу или в дверь, не появлялась на литературных мероприятиях, которые он посетил на этой неделе аж три штуки в надежде отыскать свою потерянную музу.

Если бы вы знали его лично, вы бы поняли, как ему сложно даются эти выходы в свет, к людям и даже к ней самой. Высокий subtilный кудрявый брюнет, изогнутый под гнетом сколиоза. Эдакий вопросительный знак. Серо-застенчивый взгляд всегда скрывается за титановой оправой очков с диоптриями. Возможно, это описание мало свидетельствует о сложносочиненном характере взятого за центр сюжета индивидуума, хотя сами по себе очки для коррекции зрения – частый признак надломленной душевной организации.

Игорь Калинин был нелюдимым, неразговорчивым, хоть и добродушным малым средних лет. Классическая версия интроверсии. На улицу выходил редко, чаще всего по политической нужде, а именно – по приказу издателя поторговать лицом, что, как известно, способствует торговле книгами. Да, к вышеуказанным сомнительным характеристикам, он оказался еще и прозаиком.

Таким неприятным образом наш герой убедился, что не смог внушить Катрусю Дмитриевну хоть какой-то пиетет к своей персоне, иначе бы она не потерялась на две недели, выйдя за рамки оговоренного срока. Он и раньше был уверен, что не способен внушить кому-либо что-либо. Вот и снова подтвердилось. Жаль, что не послушался единственного друга Арсения и не назначил

штрафные санкции за задержку. А ведь стоило бы жестче с ней, с этой огневолосой хозяйкой литературных судеб: подписать договор, установить четкие сроки, выплатить маленький аванс, а не всю сумму сразу, требовать сатисфакции в случае задержек, проволочек и ненадлежащего исполнения взятых на себя творческих обязательств. И наказать, если что, по закону. Согласно бумаге, подписанной ее рукой с изящными веснушками.

Все решительные намерения жили исключительно в голове, а в реальности Калин боялся даже поднять эту самую голову и посмотреть собеседнику в глаза. И вот итог: Катруся Дмитриевна, глава союза писателей города на море с предсказуемым названием «Литературный маяк», испарилась без следа, как морской туман перед понижением температуры, оставив его без притязания на чудо, а именно на получение заветной премии. Скрипя правым коленно-бедренным суставом, надевал он шерстяные кальсоны под джинсы во избежание промерзания нижних хрупких конечностей и ходил по сугробам на разной степени литературности мероприятия в поисках той самой, что безжалостно и безвременно пропала из его жизни.

Самое место уточнить, что именно должна была сделать для Калина исчезнувшая Катруся Дмитриевна. Ставим двоеточие и продолжаем: полгода назад они ударили по рукам – она переведет на свой родной язык его новый роман о художнике. Дорого. Но хорошо. Потому как Калин был бы согласен недорого, но не хорошо ему не подходило.

Художник в романе часто и размашисто страдал. Но, к сожалению, не на государственном языке, что для поры и страны было неприемлемо, а тем более для премии «Роман года». И Калин был уверен, что ни одна живая душа не сможет перевести его выстраданный текст. Разве что самому срочно подтянуть свои знания из школьной программы, но от этой мысли у него болели даже корни кудрявых волос, поэтому решил пойти на вынужденный компромисс.

Упросил. Согласилась. Катруся Дмитриевна решила сначала соблазнить скромного, но подающего большие надежды прозаика, потому как сама была свободна и одинока, а Калин вызывал у нее воспоминания о любимом сыне, который бросил ее – скоропостижно женился, стал отцом и уехал жить в горы. Когда Калин обнимал ее при встрече и, не касаясь губами, целовал воздух

у правой щеки, он невыносимо сладко пах молочным теленком. Как пахнут живые телята, она не знала – никогда в сельской местности не была, даже проездом, но знала, как пахнет телятина, – каждую субботу покупала полкило для бульона на Новом рынке.

Началась игра. Кавычки, запятые, звездочки и прочие любовные знаки. Долго смотреть друг другу в глаза, отвести взгляды, задержать руку на руке, позвонить внезапно к полуночи и с придыханием почитать Пастернака. Принести розы просто так, подождать, пока пофыркает, мол, не стоило, обнять за плечи, нежно и долго, хоть и самому страшно неловко, хочется выбежать из кабинета и поскорее домой. Арсений, известный писатель и такой же известный ловелас, научил обнять крепче на третий раз посещения кабинета. Тот знал всегда и во всем толк, чем вызывал у Калина трепетное восхищение. Что еще шло в ход? Прикоснуться губами к щеке, наконец. Хохотать и щекотать ребра друг другу на презентации сборника поэта Фролова. Все это обещало удовлетворение их обоюдных потребностей – перевод Калину, плотскую любовь Катрусэ Дмитриевне. И однажды сошлись они в общих интересах на рабочем дубовом столе в кабинете главы союза писателей под громкий бой часов с кукушкой – наша богиня, идеально владеющая государственным языком, и отчаявшийся атеист.

А затем принялась Катрусэ за перевод, по крайней мере об этом написала в благодарной эсэмэске. Указала срок сдачи работы, предупредила, что ей может понадобится и больше времени, но когда Калин прислал грустное эмодзи (нахватался этих новомодных способов передачи информации от Арсения), она поспешила уверить, что судьба его романа predetermined. «В хорошем смысле», – дописала она, а мгновением позже пришел восклицательных знак.

Несколько раз она зазывала его к себе в гости – то в союз, то домой, то по парку Победы погулять, но Калин всячески находил повод отказать. Не потому что не хотел, а потому как смущался. Боготворить на дистанции было для него более привычным делом. А то так и до инфаркта недалеко.

Хотя зря. Тут надо знать женщин. Тем более рыжих. Тем более всех. Потому как к сроку выдачи переведенной рукописи Катрусэ Дмитриевна пропала. Калин отчаялся, он же мечтал отправить

роман на конкурс, получить внушительную премию, а потом бросить эти деньжищи на стол перед пораженной мамой, когда она очередной раз невежливо попросит его вынести мусор, мотивируя тем, что он вообще ничего в жизни не делает, кроме как паразитирует на ее доброте и зарплате. Это бывало редко, мама Иго-решу любила, но она тоже ведь человек, и терпение ее лопалось раз в квартал. Калин молча глотал обиду и нес вонючий пакет на улицу к зеленому контейнеру.

А также хотелось однажды чем-то парировать, громким и звучным, может, даже обидным. Потому как всю жизнь молчал и даже маме не мог ничего сказать поперек ее текста.

После невыносимых хождений по заснеженному городу, по средней степени значимости культурным мероприятиям на-шел Калин Катрυσю Дмитриевну возле ее дома на улице в обним-ку... с кем бы вы думали? Конечно, с Арсением. Даже неудиви-тельно. Тут нас ничего нового не ждет, мир как жил, так и будет жить. И после этого рассказа, и после нового романа Калина, и после всех нас. Катруся сказала, что рукопись не готова, време-ни не было закончить. И прижалась ближе к Арсению. Тот поднял пальцем ее подбородок – посмотрели друг другу в глаза, не мигая. Калин молчал во время этого акта, желая, чтобы на улицу обру-шился град или хотя бы снегопад, а лучше конец света.

А потом рассмеялась, как будто речь шла о каком-то пустяко-вом деле, изволила добавить, что постарается исправиться в бли-жайшее время. И потащила под руку к себе домой Арсения. Кото-рый в синем кашемировом пальто и фетровой шляпе смотрел все время сквозь Калина.

Тут мы поставим точку с запятой, чтобы подвести читателя к главной информации. С чего, собственно говоря, все и началось, вернее, чем продолжилось. Почему тема мести стала вдруг ак-туальной, а мы никак не начнем ее раскрывать в полной мере.

А все потому, дорогой читатель, что тема мести не очень по-нятна самому автору. В попытке разобраться, на что и почему люди идут из-за мести, автор рассматривает под лупой этих двух небесталанных людей. Арсения за человека не считаем.

Мечь. В каких случаях мечь оправдана? А в каких считать ее дурью, инфантильной выходкой юнца, который спешит отве-

тить уколом на укол всегда, всерьез и всенепременно? Можно ли месть подавать горячей, или лучше дожидаться охлаждения этой субстанции и только после накормить обидчика? Ответов у вашего покорного слуги пока нет. Но, кажется, они есть у Игоря Калина. Вот мы и дочитаем его историю до точки.

Игорь никак не мог сам себе признаться: то ли плохо ему, то ли все равно, но какую-то смутную печаль ощущал. Поджав губу в обиду на весь жестокий мир, он решил подождать еще немного.

Наконец ближе к полуночи третьего дня она написала, что работа сделана, можно проверять почту и не стоит сердиться. Как же. Игорь открыл волнующимися руками компьютер. Нет, не сразу, предварительно долго тер рукавом запылившуюся крышку «макбука». Но письмо не раскрыл, пошел делать чай с ореховым вареньем, которое мама привезла из Кишинева, непонятно, правда, зачем за вареньем ездить аж в Кишинев. Сел поудобнее, приготовился читать свой роман на языке Катруси Дмитриевны.

Какое же было его недоумение, когда даже он, со своей тройкой, нашел десятка с полтора ошибок. И это только на первой странице. Как будто Google переводил. А когда еще увидел слово «верный», переведенное как «верный», а не «правильный», как следовало бы, окончательно убедился, что перевод делал не человек, а машина. Докрутил текст до конца и разочаровался не только во всем мире, но и в Катрусе Дмитриевне. Мы еще вернемся к этому концу, чтобы вы поняли истинную боль.

Катя, Катя! Как же так, я же вас любил целых два раза за раз! И боготворил беспрерывно после! А тут такое, Катя! Какая же вы потаскуха!

Безусловно, все это не вслух, исключительно про себя. Как бы в скобках.

Но впервые в жизни Калину захотелось устроить скандал. Настоящий. Как видел в фильмах. Как мама хорошо умела. Побегать в союз, начать кричать уже в коридоре, развенчивая миф о божественности правящих. Позвонить на радио «Дарк», а лучше на ТВ «Дым», позвать журналистов на место происшествия, бить тревогу и морду Арсению.

Как настоящий интроверт он пережил всю эту апокалиптическую бурю внутри себя и пошел в кухню снова пить чай.

Но ложкой мешал сахар жутко громко. Рассказал маме, опустив интимные подробности. Она ведь была уверена, что он все еще девственен, как в тот день, когда появился на свет. Требовал, чтобы научила скандалить. Потому как больно, обидно, а еще Арсению хочется чем-то напакостить. Но мама, хоть сама была женщиной громкой, посоветовала успокоиться и тихим вкрадчивым голосом по телефону поговорить с обидчицей. Репетировали вместе у зеркала слова, тембр, паузы, чтобы органично, интеллигентно, но так, чтобы насмерть.

– Катруся, как же так, моя книжная звезда?! Я же верил в вас, а вы... Что за перевод? Вы ли это учудили? – Калин в этот момент нравился сам себе.

– Как вы смеете! Вы понимаете, с кем вы говорите? Вам никто не поверит! Я – кандидат всяческих наук, – верещала в трубку способная скандалистка.

– Вы до конца пробежите глазами, прочитайте последнюю строчку в тексте: мелкий шрифт, желтый курсив. И переделайте все, как следует. А я закрою глаза на это, никому никогда не скажу, буду молчать до гроба. До вашего.

Перезвонила через минуту.

– Простите, Игорь, простите!

– Бог, если есть, простит! – здесь бы он вlepил иронический знак препинания, который в прошлом веке пытался ввести в употребление его коллега, писатель Эрве Базен. Но, к сожалению, речь была устная.

Катруся через две недели прислала новый файл и окончательно перестала быть музой Калина. Нет, перевод был сделан хорошо, даже толково. Но как-то быстро глава союза писателей для Калина очеловечилась. Понял Калин, что у Катруси Дмитриевны были большие проблемы – с либидо, алчностью и знаками пунктуации.

На конкурс податься не успел, да и книжный черт с ним. Но как-то стал чувствовать себя спокойнее в присутствии людей. И даже литературных богов. Но вы же не знаете самого главного, что именно в первой версии перевода так взбесило тихого Калина. Все-го одна фраза в конце текста. Мелким шрифтом, желтым курсивом:

– Катруся, любовь моя! Получилось 425010 знаков. Как и договаривались, по пятьсот гривен за авторский лист. Итого: 5300.

Здесь следует лигатура из вопросительного и восклицательного знаков. Калин заплатил в два раза больше. Из маминых сбережений, между прочим. Смотрите-ка, хотела еще и Арсению дать заработать.

А потом Калин вконец осмелел и решил сходить в гости к Катрусе Дмитриевне на дубовый стол. Позвонил ей, выбрал тихое время.

– Да, не ожидал я от вас, Катенька. Милая, нежная, любимая, – сказал он шепотом, целуя ушко с веснушками.

– Игорь, я так подумала, давай я тебе... давайте я вам деньги верну.

Оторвалась нехотя от него, подошла к белой сумке с красным маком и выложила на стол пачку новых купюр по сто. Подготовилась.

Он рассмеялся.

Катруся Дмитриевна на всякий случай прикрыла дверь в кабинет. А Калин подошел к ней сзади, приобнял и провернул ключ.

– Катя, Катя, дорогая моя.

Катя расстегнула ему верхнюю пуговицу на рубашке, а себе все сразу. Калин прижался так, что, казалось, растаял и позабыл все обиды, простил прекрасную и Арсения заодно. Старая кукушка вылезла из деревянного лакированного домика и не вовремя что-то протрещала. Кажется, пятнадцать ноль-ноль.

– Нет, не могу, – прохрипел Калин так, что она не сразу поняла, о чем он. – Не могу, – сказал твердо, громко и отстранился.

– Почему? – с мольбой в глазах и даже в голосе спросила Катя.

– После Арсения не могу. И не хочу. Пойду я, – провел указательным пальцем по мокрым губам Катруси, как в каком-то фильме подсмотрел, взял деньги, открыл дверь, еще раз оглянулся обреченным взглядом и вышел.

Улыбнулся уже только на улице, отойдя на безопасное расстояние. А потом рассмеялся громко и звонко, как ребенок, чесслово.

В конце этой истории, пожалуй, ставим многоточие. Потому как долго еще Катрусе Дмитриевне придется надеяться на прощение и бояться огласки. А именно: всегда. Отомстил ли Арсению? Вроде бы и нет. Но имя для рассказа не менял.